

Весь 2020 год шла глобальная ломка всего — экономик, рынков, сложившихся представлений, шаблонов поведения, самооценки, места человека в мире вообще и в мирах всевозможных популяций, включая вирусные, и в коридорах школ, транспортных компаний, виртуальных мирах госуслуг, зумов и прочего. Подобные стихии провоцируют мощное переобучение всех и вся. Без ясных ориентиров такая «переподготовка» происходит в избыточно стрессовом поле, оборачивается множеством побочных эффектов и жертвами сверх «нормального» уровня. И речь не о вакцинах. Речь о грандиозном социальном вызове, запросившем для себя жертвоприношение. Стартовый запрос — смена миропорядка. Не больше. И не меньше.

Новый общественно-экономический порядок в мире и в отдельных странах возникает из одновременного действия трех факторов: недовольства существующим; появления привлекательно-го и технологически достижимого образа нового миропорядка; кристаллизации социальных сил, имеющих идеологию, умонастроение и ресурсно дееспособных для перевода общества в новое состояние. Разумеется, это условия первого приближения. В большой истории встречаются периоды, когда отжившая система может сохраняться далеко за пределами срока своей годности. Тем более, если правящие круги имеют изоэдренность ума и жесткую волю удерживать свое господство даже при объективно проигрышной ситуации. Вспомним, как долго продержались строй «вишневого сада» и сменивший его капитализм в России, пока их не обнулили революции 1917 года и долгая Гражданская война.

Александр Агеев

www.ageev.net

DOI: 10.33917/es-1.175.2021.5

СТАРТОВЫЙ ЗАПРОС

Всегда в числе предпосылок — готовность общества к переменам, а также степень его внушаемости. Здесь же и готовность, отчасти инфантильная, к тестированию пределов возможного и разрешенного протеста. В любом случае у таких готовностей есть свои жизненные циклы с фазами до «революционной ситуации» и последующей реабилитации. Предпосылки плюс конкретные исторические условия, плюс кадры, идеология, организация, ресурсы и воля... Далее возможны варианты. По крайней мере до момента, когда выбора не остается или когда он далеко за пределами комфорта. Когда формируется жажда не просто каких-нибудь перемен, а «настоящих», «до основания»... Вторая часть формулы — «а затем», о «нашем новом мире» — обычно остается не очень ясно сформулированной, оставляя поле для массового творчества, интриг самых пронырливых и затаенной логики исторических стихий.

Господствовавшая до сих пор парадигма бытия человекиника опирается на два принципа: безоглядную, безответственную эксплуатацию ресурсов планеты, включая человека и природу, и беспощадную конкуренцию всех против всех. Разумеется, эти принципы вуалировались мифами о свободе предпринимательства, торжестве человеческой свободы, природе как «мастерской для человека», преимуществе рынка над планом и т.п. Разумеется, постоянно были и предпринимаются попытки «смягчить» минусы этой парадигмы: вводятся и как-то исполняются нормы, регулирующие монополии и конкуренцию и защищающие природу, уменьшается и возрастает вмешательство государства в экономические процессы, складываются институты самоорганизации и появляются новые технологии коммуникаций, разрабатываются международные режимы целей развития и т.д.

Однако ничто из этого не подорвало до сих пор указанных двух принципов. Следствия их действия видны ежедневно, россыпью и оптом. В России главные проявления этих принципов и следствий — депопуляция, социальная поляризация и умонастроения. Последнее отражает что-то неладное в системе координат нашего развития. Она задает и отвечает на вопрос: ради чего и ради кого страна живет или, по факту, не хочет жить долго и счастливо? Если будущее свое и страны большинство россиян связывают с мечтой о справедливом обществе, стабильностью и возвращением России статуса великой державы, то соотносится ли эта мечта с озабоченностью девяти из десяти россиян моральным состоянием страны? Но неимоверно сложнее одновременно, на коротких дистанциях и в атмосфере ужесточающегося давления извне и изнутри отвечать на вызовы справедливости, стабильности и международного авторитета. Через игольное ушко, наверное, пройти легче верблюду.